

**ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА:
ОТНОШЕНИЯ БЕЗ ВЗАИМНОСТИ**

У статті використані матеріали соціологічних досліджень, які були проведені в Республіці Молдова, щодо проблем у відносинах у соціальній сфері політичної еліти та інтелігенції в процесі соціальних, політичних та економічних реформ в країні.

Ключові слова: політична еліта, інтелігенція, духовні цінності, мораль, влада.

В статье использованы материалы социологических исследований, проведенных в Республике Молдова о проблемах отношений в социальной сфере политической элиты и интеллигенции в процессе социальных, политических и экономических реформ в стране.

Ключевые слова: политическая элита, интеллигенция, духовные ценности, мораль, власть.

The article using materials of social research, which were carry out in the Republic of Moldova are considered the problems of social section relationship-political elite and intelligentsia in the process of social, political and economic reforms of the country.

Key words: political elite, intelligentsia, spiritual values, ethics, authority.

Сложный процесс обеспечения устойчивого развития общества, его основных подсистем – экономической, социальной, политической, социокультурной – нуждается во всестороннем изучении социальных практик, выделении в их сложной структуре основных политических акторов, определении параметров и выборе критериев для решения возникающих задач. В периоды социальных потрясений, по мнению классика социологии Э. Дюркгейма, возникают новые идеалы, которые люди стремятся воплотить в реальность. Совокупность этих коллективных идеалов составляет духовные основы общества и становится движущей силой его изменения, т.к. за ними стоят движущие силы социальных групп.

Интеллигенция как мыслящий, разумный слой общества всегда выступала своеобразным локомотивом в политических процессах

стран, поскольку в силу своей функциональной миссии часто представляла и интеллектуальную элиту. Определяя интеллигенцию как социальную группу, многие исследователи отмечают ее самые разнообразные основополагающие признаки. Это или «способность иметь знания посредством разума» (Г.В.Ф.Гегель), или «общность, социальный массив людей, профессионально занимающихся творческим умственным трудом и обладающие необходимым для такого труда специальным образованием» (Г.В. Звездунова.), или люди «которые внутри социальных групп специально заняты разработкой идеологических связей» (М.К. Мамардашвили), или «представители духа, творцы духовной культуры» (Н.А. Бердяев) и др.

В Энциклопедическом социологическом словаре под редакцией академика Г.В. Осипова интеллигенция определяется как «совокупность людей, занятых умственным трудом», или как «социальный слой людей, профессионально занятых квалифицированным умственным трудом и обладающих необходимым социальным образованием» [7, с.51]. В зависимости от выполняемых социальных функций и типа образования различают интеллигенцию научно-техническую, инженерно-техническую, гуманитарную, педагогическую.

Интеллигенция определяется также как «совокупность людей с высшим образованием» или то же, что интеллектуалы. В статье «Интеллектуал», этого же словаря, отмечается, что это «человек с высокоразвитым интеллектом», «представитель социального слоя интеллигенции», «представитель умственной элиты общества» [7, с. 51]. Как видим, существенного различия в терминах не прослеживается, а оно, на наш взгляд, присутствует. Если рассматривать интеллигенцию как социальную группу, объединяющуюся по значительному числу признаков, присущих ее участникам, то ее нельзя определять только уровнем образования, типом и сферой умственного труда. В современных условиях трансформирующегося общества нельзя упускать присущее этой группе свойство «интеллигентность», т.е. набор духовно-нравственных, социально значимых качеств человека, которые определяют высокий уровень умственной, эстетической, нравственной культуры личности. Интеллигентность не определяется только эрудицией, образованием или сферой трудовой занятости. В русской философской традиции это понятие связано в большей степени с морально-эстетическими,

духовно-нравственными представлениями и политическим поведением в целом, образом жизни определенного социального слоя общества.

Поскольку в политологической научной литературе отсутствует единый терминологический подход в определении понятий «политическая элита», «интеллигенция», мы в своей статье будем использовать социологические определения, т.е. рассматривать политическую элиту и интеллигенцию как социальные слои со специфическим набором социальных и морально-психологических качеств, с определенным духовно-нравственным социальным капиталом.

148 — Французский социолог П. Бурдьё определял стратификацию через «набор капиталов», составляющих социальное положение людей (в экономическом, политическом, социальном, культурном) пространстве социума. Каждой социальной группе (классу) присуща своя структура поля и принципы его конструирования, которые П. Бурдьё называл «габитусами». Именно габитус каждой социальной группы отличает ее от других, включает все ранее названные нами критерии определения социальных групп плюс образ жизни со своими особыми характеристиками поведения и отношений.

Само социальное пространство создается, формируется и развивается в политическом процессе, который с точки зрения концепции социальной политики может рассматриваться как взаимодействие интересов и форм социальной деятельности различных структурных групп и объединений во власти, развитием и сменой типов политических систем, обусловленными прогрессом социума и его политической культурой в целом.

Исходя из данной концепции, мы можем отметить общее в социальных группах «элита» и «интеллигенция», а именно наличие социального и духовно-нравственного капитала. Интеллигенция, как и элита, может условно быть разделена на субгруппы. Польский политолог Ян Щепанский включает в интеллигенцию различные группы людей. Он пишет: «Мы выделяем в интеллигенции категории интеллектуалов, создающих эстетические ценности; ученых, создающих интеллектуальные системы; специалистов различных типов, использующих теоретические знания для решения конкретных проблем; идеологов, которые создают и распространяют жизненную философию и политическую идеологию; вербальных

техников, которые распространяют зарубежные идеи, комментируют и критикуют работу других людей и общественные институты других обществ» [10, с. 236].

Обратим внимание на последнюю фразу этого определения, в которой автор подчеркивает протестный, критический характер поведения интеллигенции. Опираясь на субъективное определение внутренней свободы, представление о нравственном авторитете в обществе, интеллигенция чаще дистанцировалась от властных структур, чем прислуживала им.

В определении элиты как социальной группы также не существует четкого научного категориального подхода. Элиту (elite – фр. – лучший, отборный, избранный) классики политологии (В. Парето, Г. Моска, Х. Ортега-и-Гассет, Д. Рисмен) определяли с позиций эгалитаризма, т.е. как слой людей, добившихся наивысших достижений в своей области деятельности, обладающих наивысшими индексами в профессиональной и других сферах занятости. Элиту также определяют как «социальную группу, монополизирующую власть в политической системе страны», или как «высшую часть социальной группы, класса, политической общественной организации», или как социальную общность, представленную людьми, имеющими высокое положение в обществе, владеющими престижем, властью, богатством, активными в политической и иных сферах общественной деятельности, или как. высший, относительно замкнутый слой общества, контролирующий его основные экономические положения и культурные ресурсы.

Профессор Г. К. Ашин отмечает, что существующие в политологии дефиниции различаются между собой и с точки зрения широты понятий. В узком смысле этот термин обозначает высший эшелон государственной власти, в широком – всю иерархию управленцев, т.е. «высшее звено власти, принимающее решения, жизненно важные для всей страны, среднее звено власти, принимающее решения значимые для отдельных регионов, отдельных сфер социальной деятельности, наконец, разветвленный бюрократический аппарат» [1, с. 165]. Одно из наиболее обобщенных, на наш взгляд, определений правящей политической элиты дают социологи А. Свани, Дж. Мэнон, Э. Куини, Э. Райс: «Элиты – по определению – люди, которые контролируют большую долю материальных, символических и политических ресурсов общества, чем любая другая страта общества.

Они занимают высшие посты в иерархии статуса и власти, полученные ими аскриптивно, (по предписанному статусу) или ресептивно (благодаря собственным заслугам). В некоторых обществах элиты резко отделены от граждан. Элита – те люди, которые занимают высшие властные позиции, контролируют большую часть собственности и имеют наивысший престиж». [5, с. 7]

В социологии элита, как социальная группа, определяется несколькими характеристиками респондентов (половозрастными, образовательными, уровнем доходов, престижем профессии, политической или религиозной принадлежностью, и. т. д.). При таком подходе, к сожалению, не учитываются особенности современного постиндустриального общества, в котором элита не представляет собой гомогенной группы, а власть как бы распылена между различными социальными институтами. Отсюда следует, что элита может представлять собой социальную группу со сложной структурой. Сегодня мы можем выделить политическую, экономическую, военную, религиозную и другие субгруппы элиты. Здесь могут использоваться различные подходы и критерии выделения, например, по положению во властных структурах (законодательная, судебная исполнительная), или по географическому местоположению (центральная, региональная, местная), или по функциональным обязанностям в политическом процессе (административно-властная, политическая, социально-культурная), или по престижу в обществе - «топ-элиты» (О. Крыштановская,), «суперэлитный слой» (Т. Заславская).

150

—

Обратимся к особенностям формирования политической элиты в Республике Молдова. Феноменом этого процесса в молдавском обществе можно назвать стремление интеллигенции попасть во властные структуры. Разгадку этого явления, на наш взгляд, надо искать в исторических, культурных, социально-экономических условиях развития социума.

С исторической точки зрения сегодня во власть пришло лишь третье поколение национальной элиты. Причин несколько. Во-первых, военное лихолетье и сталинские ссылки практически лишили страну национальной интеллигенции. В пятидесятых годах прошлого столетия большинство вузов, культпросветучреждений и предприятий открывали специалисты, приехавшие из России, Украины, Белоруссии и других республик Союза.

Во-вторых, Молдова – страна аграрно-промышленная, более половины населения проживает в сельской местности, в условиях которой и формируется первая волна интеллигенции.

В-третьих, в стране очень сильны традиционные устои жизни, кровнородственные связи и отношения, которые и формируют социальные ценностные ориентации людей. Обратимся к примерам.

В условиях современной Молдовы, как свидетельствуют социологические исследования, классические способы рекрутизации элиты в «чистом виде» т. е. антрепренерская или предпринимательская система элитотбора, ориентированная на личные качества конкурентов, и «система гильдий» отбор кандидатов из определенных закрытых социальных групп без конкуренции, часто смешиваются, что снижает профессионализм в управлении, порождает конфликтность в принятии решений. В результате такой рекрутизации властные структуры страны представляют пирамидальную матрицу. В ней лицевая сторона отражает демократические достижения реформ в формировании правящей элиты: харизматичность лидеров, их уровень образования и профессиональной компетентности, способности и умения управлять страной. Однако видимые характеристики элиты призрачны, так как они не отвечают требованиям общества, особенностям современного реформирующегося политического процесса. А происходит это потому, что на теневых, невидимых гранях этих пирамид, на всех уровнях работают «более эффективные социальные лифты» попадания во властные структуры: партийная принадлежность, коррупция, кумовство и родственные взаимосвязи. Население страны уже давно перестало удивляться тому, что среди парламентариев, чиновников различного уровня власти «всплывают» известные фамилии бывших руководителей страны. Это своего рода «политическое наследство» переданное детям старшими поколениями.

В таком случае возникает вопрос: «С какой целью интеллигенция идет во власть?», «Интеллигентна ли политическая элита?». Как показал экспертный опрос руководителей различных уровней власти, 61,1% респондентов идут во власть «для материального обогащения», а 77% считают, что партии создаются «в целом для борьбы за личную власть и более высокое социальное положение» [8, с. 5].

Отметим, что политическая элита в нашей стране за годы независимости пережила целый ряд трансформаций. Процесс фор-

мирования партий часто опирается на авторитет харизматического лидера («вождизм»), а идеологическая основа – на «острые проблемы отдельных стран». Причем первый признак значительно весомее, так как лидеры партий выражают в тех или иных формах актуальные проблемы общества, хотя часто при этом не оказывают конкретных путей их решения. Например, «Альянс за европейскую интеграцию» включает три партии, которые объединила лишь борьба с коммунистами. Но роль и место в процессе евроинтеграции каждая из них видит по-своему. Для одних это процесс объединения с соседним государством (Румынией), для других – вхождение в ЕС полноценным самостоятельным государством, с ориентацией на стандарты и ценности либеральной демократии. Для третьих – «средний путь», т.е. «дружить со всеми». И, как следствие, некоторые депутаты парламента не поддерживают конкретные шаги в реализации предвыборных программ и покидают ряды своих фракций, образуют независимые группы. Так элита теряет свойства сплоченности и эффективности управления, профессиональный уровень и качества, остро необходимые для преодоления кризиса.

152

А как реагирует на политические события интеллигенция? Стала ли она носителем общественной совести и моральной ответственности в происходящих политических процессах страны? Ответ можно найти в статье председателя Союза кинематографистов Республики Молдовы Е. Собора «Когда писатели были большими». «В чем именно можно и нужно упрекнуть молдавскую интеллигенцию? -спрашивает автор. – Да, она не продемонстрировала необходимой настойчивости и способности действовать солидарно, чтобы блокировать «разрушительный зуд» необольшевиков. Да, она солидаризировалась с антисоциальными реформами либеральных горе-реформаторов. Да, она не смогла (или не захотела) навязать политическому классу прагматичную, неидеологизированную экономику. Все это, к сожалению, так. Более того, стремясь сохранить элементарный, приемлемый для себя уровень жизни, интеллигенция откровенно встала на путь конформизма, старалась в упор «не видеть», как к власти в стране рвутся олигархи, «не замечать» ширяющуюся коррупцию и деградацию политического класса» [9, с.3]. Эти горькие признания, на наш взгляд, нуждаются в некотором уточнении. Дело в том, что в первом молдавском парла-

менте, который принял законы породившие целый ряд конфликтных ситуаций в стране (вплоть до вооруженного конфликта в Приднестровье) более трети депутатов были представителями интеллигенции, а людей с гуманитарным образованием было более половины парламентского состава. Так что утверждать, что интеллигенция пассивно наблюдала за политическими преобразованиями в стране, не совсем корректно. Она в первые годы становления независимой страны сыграла очень активную роль в формировании политической элиты.

Вместе с тем следует отметить, что сегодня депутатский состав нашего парламента профессионально стал более зрелым. Например, если в первом составе количество депутатов, имеющих опыт работы в органах госуправления, составляло 53,5%, то в нынешнем – уже 73,3%. По образованию – филологов сменили юристы, профессиональные менеджеры из различных сфер экономики. В два раза увеличилось количество депутатов - женщин (до 19, 8%), депутатский корпус помолодел в среднем на пятнадцать лет [8, с. 7].

Профессиональный уровень и опыт политической элиты, казалось бы, должны были благотворно влиять на законотворческую и управленческую деятельность в стране. Но этого, к сожалению, не происходит. Дело в том, что парламентские партии заключили соглашение о подборе управленческих кадров, которое предполагает назначение чиновников по партийной принадлежности. Партийно-политическая монополия формирования правящей элиты приводит к тому, что профессиональная подготовка многих управленцев вовсе не соответствует профилю работы их учреждений. Результаты такой политики формируют и определенный тип поведения чиновников. Их мораль становятся «ситуативной», способствует мимикрии поведения. Об этом свидетельствуют конфликтные ситуации, возникающие между партийными фракциями в Парламенте страны, между Парламентом и Советом Министров, между центральной и местной властью. А интеллигенция ни в каких формах протеста против существующего порядка себя не проявляет, более того – часто негосударственные общественные организации в целях стабилизации порядка поддерживают олигархическую власть.

Традиционные механизмы и институты политического руководства, державшиеся в советское время на коммунистической идеологии и, хоть и несовершенной, но довольно устойчивой соци-

альной базе, рухнули. В обществе произошли серьезные сдвиги в сознании и поведении людей, которые стали более активными, реально вовлеченными в политику, особенно на местном уровне власти. А это привело к усилению влияния местной элиты в управлении на региональном и местном уровнях, ведь здесь она не просто является выразителем интересов различных социальных групп, а часто имеет с ними генетические (кровно-родственные) связи.

Необходимо, на наш взгляд, специфицировать термины «местные элиты» и «региональные элиты». Под местными элитами мы будем подразумевать представителей власти на уровне административного деления коммун, (это также власть в муниципальных образованиях малых городов), а региональные элиты - это властные структуры средних и крупных для нашей страны городов. Отметим, что в политологических исследованиях существуют различные подходы к выделению элит. Вследствие чего местные элиты из-за их малочисленности и слабого участия в политическом

154

— У нас же в стране, как показывают недавние события (политические протесты в муниципии г. Бельцы и других районах), проблемы в работе местных органов власти приобретают особую остроту.

Дело в том, что сегодня местная элита включает множество субгрупп с различными интересами и видением проблем развития своей территории. (представители органов управления, бизнес-элиты, лидеры общественных организаций и партий, руководители учреждений образования, медицины, культуры и т. д.) Решение возникающих проблем, как известно, во многом зависит от того, какие цели ставятся, каков профессиональный уровень менеджеров (каково качество элиты), насколько властные решения понимаются и поддерживаются населением. В Молдове сегодня процесс формирования политической элиты происходит наиболее интенсивно на местном уровне. И, как показывают социологические исследования, гуманитарная интеллигенция от власти все больше отстраняется. Причин можно назвать несколько.

Во-первых, у членов местной элиты совершенно разные «социальные капиталы» ресурсов влияния на принятие тех или иных властных решений. Особое значение на местном уровне власти приобретают возможности и условия реализации этих ресурсов, баланс групп влияния в их распределении, удовлетворении инте-

ресов населения. Часто местные депутаты и советники кроме харизматических качеств обладают (или не обладают) политической поддержкой местных отделений партий.(проводят их программные требования).

Во-вторых, особую значимость на местном уровне власти приобретает и владение каким-либо бизнесом, наличие родственных и иных социальных связей в данном населенном пункте. Именно в местной власти чаще всего практикуется «совмещение статусов», т.е. представители бизнеса идут во власть, чтобы иметь более широкие возможности для саморазвития и одновременно рычаги защиты своего предпринимательства.

В-третьих, чиновники территориальных администраций, которые не имеют «ресурсного потенциала власти», начинают приобретать его, попадая на руководящую должность (налаживают необходимые связи, обзаводятся собственным бизнесом). И здесь важно отметить, что местная элита, в коммунах, конечно же, имеет значительно меньше ресурсов и возможностей в развитии экономики, т. к. состоит она в основном из крупных фермеров-лидеров (от 80% и более). А вот у новой региональной элиты значительно большее поле социальной деятельности (есть малый и средний бизнес). И поэтому ее стремление к самостоятельности в реализации власти на местном уровне часто вступает в противоречие с существующим законодательством. Экспертный социологический опрос представителей местных властей в трех экономических зонах республики и массовый опрос по проблемам стратификации в молдавской деревне выявили нижеследующие тенденции.

Более 52% опрошенных работников примэрий считают, что в их деятельности недостаточно свободы и возможностей вести плодотворную местную политику, «централизация власти еще достаточно большая». Причем самостоятельность органов местной власти в решении местных проблем различна в разных сферах жизни. Так, например, финансово-экономическую самостоятельность как частичную отметили 57 % респондентов, а полностью самостоятельны в финансовых вопросах лишь 27% руководителей. В социальном развитии сел и их инфраструктуры частичную самостоятельность отметили 55% опрошенных, а абсолютно не самостоятельны – 28 % руководителей органов местной власти [8, с. 8]

Анализ этих и других полученных социологических данных показывает, что в стране назрела острая необходимость совершенствования законодательства о местном самоуправлении, вовлечения в реализацию местной политики разнообразных общественных объединений гражданского общества, совершенствования технологии элитотбора, развития многообразных форм демократии в политике местной власти.

В молдавских селах всегда особым уважением и авторитетом во власти пользовалась гуманитарная интеллигенция. Сегодня многие ее представители уехали на заработки за рубеж, другая ее часть, как отмечает Е. Собор, «заметно сникла, притихла, устала. Она практически отказалась от своего прежнего боевого клича «Не могу молчать!» И в этом, на мой взгляд, заключается сегодня ее драма» [9, с.5].

156 — Время интеллигенции как советчика, эксперта, социальной группы, которая формировала бы новые демократические ценности и стандарты общества, пока не пришло. В стране проводится немало реформ для развития демократии, соответствия правовых норм требованиям стран ЕС, вовлечение широких масс населения в политику. Создаются неправительственные организации и различные фонды, но они не включены в процесс реализации власти. У интеллигенции с политической элитой пока складываются отношения без взаимности.

Джерела та література:

1. Ашин Г.К. Элитизм и демократия // Общественные науки и современность. - М., 1996.
2. Ашин Г.К. Понятие «элита» и его роль в политических исследованиях // Философские науки. - М., 2005. - № 7.
3. Витковская Т. Б. Локальная политическая элита современной России: характерные особенности трансформации. // Политическая наука. - 2008, №3.
4. Гаман-Лутвина О В. Политические элиты: эволюция теоретических концепций. - М., 1996.
5. Лапина Н. Ю., Чирикова А. Е. Региональные элиты в Российской Федерации. Модели поведения и политические ориентации. - М., 1999.
6. Мохов В. П. Проблема анализа российских региональных элит в переходный период: К вопросу о методологических основах

ниях // Пермский Вариант – 2. – Пермь, 2004. – с. 4-14.

7. Осипов Г.В. Социологический энциклопедический словарь. – М., 2000. – 488 с.

8. Отчет о социологическом опросе по проекту «Эволюция социальной стратификации общества и перспективы европейской интеграции Республики Молдова», опрошено 1200 человек, в трех географических зонах республики. – Кишинев, 2011-2012.

9. Собор Е. Когда деревья были большими. //http: // ava.md/analytics-comentary/019084-(24.01.2013)

10. Szczepanski I. Die Intelligent in der gegenwartigen Gesellschaft. – Frankfurt am Main, 1996.